

На правах рукописи

Хабибуллина Лениза Газинуровна

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
В СВЕТЕ ТЮРКСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2021

Работа выполнена в отделе лексикологии и диалектологии обособленного структурного подразделения государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан» «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Салимова Дания Абузаровна

Официальные оппоненты: **Губанов Алексей Рафаилович,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова»,
профессор кафедры русского языка
как иностранного

Файзуллина Гузель Чахваровна,
доктор филологических наук, доцент,
Тобольский педагогический институт
им. Д.И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО
«Тюменский государственный университет»,
профессор кафедры теории и методики
начального и дошкольного обучения

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
энергетический университет», профессор
кафедры иностранных языков

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы»

Защита состоится «20» декабря 2021 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 022.006.02 при ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 и на сайте <http://www.antat.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Ибрагимов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа является результатом системного и комплексного исследования семантико-синтаксических отношений в татарском языке.

Степень разработанности проблемы и актуальность темы исследования. В современной лингвистике серьезное внимание уделяется изучению вопроса о внутренней организации и системе синтаксических отношений на уровне языковых категорий и единиц, проведению семантического анализа языковых явлений. Возросший интерес к данным сегментам науки связан с тем, что благодаря такого рода исследованиям расширяются горизонты гуманитаристики, более четко раскрывается коммуникативная сущность языка. Значимым вопросом в этом направлении является исследование семантико-синтаксических отношений на различных уровнях синтаксиса.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения, систематизации и выявления контуров семантико-синтаксических отношений в татарском языке в свете новейших положений современного семантического синтаксиса. Представленное исследование выполняется с учетом антропоцентрической направленности современной науки о языке. Всесторонний анализ позволяет установить сущность семантико-синтаксических отношений, которые в свою очередь определяются факторами, влияющими на формирование этих отношений.

Актуальный характер работы продиктован также выбором широкого пласта анализируемого материала с уточнением отвлеченно-семантического наполнения структурных компонентов предложений в татарском языке.

Как известно, мыслительные категории более развернуто представляются в синтаксическом строе, именно поэтому семантические отношения занимают одно из значимых мест в изучении синтаксической структуры языка. Исследование семантико-синтаксических отношений с параллелями из других тюркских языков способствует более глубокому осмыслению смысловых связей, выявлению общих для родственных языков особых средств выражения, а также определению специальных средств передачи конкретных элементов семантики в отдельном языке.

Следует отметить, что исследование синтаксического строя тюркских языков, которое началось лишь с середины 50-х годов XX века, является актуальной областью современной лингвистической науки. Несмотря на существование трудов, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы смысловых отношений, изучение синтаксических единиц с синкретичными значениями еще требует детального анализа.

Анализ синкретичных значений предоставляет возможность определить природу промежуточных, переходных смысловых связей. В данном труде под понятием «синкретизм семантики» подразумевается совмещение, синтез в одной конструкции дифференциальных признаков нескольких семантико-синтаксических отношений. Исследование проводится на

материале татарского языка с привлечением примеров для анализа и из других тюркских языков.

Семантический синтаксис является сложившимся во второй половине XX века направлением языкознания. Эта область лингвистической науки изучает содержательную сторону языковых знаков и ее соответствие поверхностному уровню. Зарубежные и отечественные языковеды А. Вежбицкая, З. Вендлер, Ч. Филлмор, Н. Хомский, У. Чейф, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, А. И. Варшавская, В. Г. Гак, И. П. Иванова, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, В. С. Храковский и др. внесли свой вклад в развитие семантического синтаксиса.

Обращение не только к формальным, поверхностным, но и семантическим, глубинным структурам позволяет раскрыть многие языковые факты, что помогает в свою очередь полнее и точнее объяснить закономерности мыслительной деятельности человека. Таким образом, исследование структурно-семантических особенностей синтаксических конструкций значимо не только в плане лингвистическом, но и когнитивном.

В тюркологии обращение к семантической стороне речи начинается с 60-х годов XX века, хотя некоторые истоки изучения семантики встречаются в трудах Дж. Валиди. Языковеды-тюркологи Л. К. Байрамова, М. В. Зайнуллин, М. З. Закиев, С. М. Ибрагимов, М. А. Сагитов, Ф. С. Сафиуллина, А. А. Юлдашев исследуют языковые конструкции от функций к формальному аспекту.

С XXI века исследование семантико-синтаксических отношений в лингвистической науке, в том числе и в татарском языкознании, ведется, как правило, в рамках функционального подхода.

На современном этапе развития лингвистики активно разрабатывается проблема системности сложноструктурных функционально-семантических категорий в содержательном и репрезентативном планах. Частичный функционально-семантический характер описания синтаксических отношений в представленной работе, исследование особенностей языкового выражения семантических категорий вписываются в рамки наиболее продуктивных и перспективных направлений современной лингвистической науки – функциональной грамматики и коммуникативного синтаксиса.

Функциональный подход позволяет выявить скрытые грамматические значения в языке. Как правило, при формальном способе описания разных смысловых связей учитываются только эксплицитно выраженные отношения, а отношения, выраженные имплицитно, в большинстве случаев продолжают оставаться вне поля зрения исследователей. Функциональное описание позволяет создать целостный план выражения семантико-синтаксических отношений, раскрыть не только поверхностные, но и глубинные структуры.

Теоретико-методологическую основу работы составили базовые положения, представленные в трудах, посвященных исследованию семантики языковых явлений, следующих языковедов: С. Н. Абдуллаева, О. Д. Абумо-

вой, М. С. Азисовой, С. А. Алексановой, Н. А. Андрамоновой, В. Ю. Апресян, И. Х. Ахматова, А. Х. Ашраповой, И. Д. Банковой, Н. А. Баскакова, Ш. Бекмагамбетова, В. А. Белошапковой, А. В. Бондарко, М. В. Всеволодовой, И. З. Гасымова, А. Р. Губанова, А. Т. Додуевой, Н. Н. Дробышевой, О. В. Дубровской, Н. Н. Ефремова, М. В. Зайнуллина, М. З. Закиева, С. М. Ибрагимова, А. М. Ивановой, Э. П. Казаковой, Э. Н. Кардашева, Г. А. Мусатовой, И. А. Невской, Л. Н. Оркиной, М. А. Сагитова, А. Р. Сайфуллаева, Ф. С. Сафиуллиной, Л. С. Селендили, С. Ж. Тажибаевой, Р. М. Теремовой, Г. В. Хораськиной, Ю. У. Хочавовой, В. С. Храковского, Л. А. Шаминой, В. Н. Ярцевой и др.

Объектом настоящего исследования являются атрибутивные, объектные, пояснительные и обстоятельственные (причинно-следственные, целевые, условные, уступительные, временные и пространственные) отношения, выражаемые синтаксическими единицами, в татарском языке.

Предметом данного исследования выступают различные средства и способы выражения семантико-синтаксических отношений, их оттенков, в том числе – синкретичных, в татарском языке.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится комплексное исследование семантико-синтаксических отношений на материале татарского языка; подробно описываются атрибутивные, объектные, пояснительные и обстоятельственные отношения, представляются функциональные эквиваленты подобных конструкций в других тюркских языках, выявляются средства их выражения. Особое внимание акцентируется на формально-семантическом аспекте исследования в сочетании с функциональным подходом, выявлении глубинной семантической составляющей синтаксических категорий, синкретизма семантико-синтаксических отношений. Инновационный характер работы обусловлен тем, что она представляет собой первый опыт системного, монографического исследования смысловых отношений между синтаксическими единицами в татарском языке, то есть является первой попыткой описания семантического синтаксиса татарского языка.

Цель данного исследования – выявить смысловые отношения (атрибутивные, объектные, пояснительные и обстоятельственные), в том числе – синкретичные, в татарском языке на разных синтаксических уровнях для установления особенностей их семантики и репрезентации.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих общих и частных **задач**:

1) обобщить, систематизировать и описать классификацию смысловых отношений, принятую в грамматиках татарского языка;

2) проанализировать структурные и семантические особенности конструкций, репрезентирующих разные смысловые отношения, на различных ярусах синтаксиса;

3) классифицировать смысловые отношения с учетом достижений современной лингвистической науки в целом и функционального описания языковых явлений в частности;

4) сравнить классификацию обстоятельственных предложений в тюркских языках;

5) выявить способы формальной репрезентации атрибутивных, объектных, пояснительных и обстоятельственных отношений в татарском языке;

6) установить характер взаимосвязи разных смысловых отношений между синтаксическими единицами;

7) определить сущность семантических категорий, средств их репрезентации в татарском языке, сравнить одни смысловые отношения с другими смежными отношениями.

В ходе работы в соответствии с целью и задачами исследования были применены следующие научные **методы**:

– *метод лингвистического описания* при характеристике атрибутивных, объектных, пояснительных и обстоятельственных отношений;

– *структурно-семантический метод* при анализе формальной и содержательной организации смысловых конструкций;

– *сравнительно-сопоставительный метод* при сравнении взаимосвязи семантико-синтаксических отношений, их особенностей в татарском языке, различных точек зрения на классификацию обстоятельственных предложений;

– для выявления имплицитных каузальных, кондициональных значений и при исследовании логического отношения тождества в пояснительных конструкциях был применен *метод моделирования и трансформационного анализа*;

– частично – *статистический метод* для расчета процентного соотношения значений, выражаемых условной формой *-ca/-cə*;

– для выявления особенностей функционирования и синкретизма семантико-синтаксических отношений в языковой структуре как частный прием исследования был применен *контекстуальный анализ*.

Применение различных методов позволило решить поставленные задачи и достичь намеченной цели.

Материал исследования (всего более 10 тысяч примеров) извлекался из текстов татарской художественной литературы (проза и поэзия), малых жанров татарского фольклора. Подстрочный перевод фактического материала на русский язык выполнен автором самостоятельно. Текстовые примеры на других тюркских языках были заимствованы из лингвистических трудов, что указано соответствующей ссылкой в каждом отдельном случае. Также материал извлекался из текстов малых жанров тюркского фольклора.

Обоснованность и достоверность полученных результатов обеспечивается использованием различных лингвистических методов, опорой исследования на фундаментальные теоретико-методологические принципы научного анализа, обоснованностью каждого положения фактологическими данными, а также соответствующей требуемому уровню апробацией основных результатов работы.

Теоретическая значимость. Всестороннее системное исследование семантики и репрезентации смысловых отношений на различных уровнях синтаксиса обогащает и расширяет научно-теоретическую базу. Сформулированный в ходе исследования комплекс теоретических посылок и полученных выводов вносит определенный вклад в создание современной семантической теории синтаксиса татарского языка, так как в рамках данной работы осуществлено изучение семантико-синтаксических отношений в русле частично функционально-коммуникативного и семантического аспектов.

Практическая значимость результатов данной работы и обработанного материала усматривается в том, что они могут быть использованы при составлении школьных и вузовских учебников по синтаксису татарского языка, сравнительному и семантическому синтаксису тюркских языков. Ценность исследования также мотивируется возможностью применения полученных результатов как в виде общих выводов, так и в виде частных наблюдений, фактического материала в общих курсах, практике преподавания теоретических дисциплин по функциональной и коммуникативной лингвистике татарского языка. Результаты работы найдут применение при проведении исследований в дальнейшем в области как синтаксиса татарского языка, так и сравнительного синтаксиса тюркских языков.

Апробация результатов исследования. Основные итоги диссертационного исследования изложены в двух монографиях, 17 научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ, в статьях, опубликованных в научных сборниках и периодических центральных научных изданиях, материалах международных, всероссийских, региональных научно-практических конференций и симпозиумов. Концепция, основные положения исследования докладывались и обсуждались на научных конференциях: «Наука XXI века. Проблемы филологии и искусствоведения» (г. Казань, 2011 г., 2012 г., 2014 г.), «Перспективы развития современной филологии» (г. Санкт-Петербург, 2011 г.), «Ренат Харис и современная татарская поэзия» (г. Казань, 2011 г.), «Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин» (г. Элиста, 2012 г.), «Наследие Г. Ибрагимова и тюркский мир» (г. Казань, 2012 г.), «Ашмаринские чтения-8» (г. Чебоксары, 2012 г.), «Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии: теория и опыт изучения» (г. Елабуга, 2012 г.), «Академик Э. Р. Тенишев и тюркский мир» (г. Казань, 2012 г.), «Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов)» (г. Казань, 2013 г., 2014 г.), «Сулеймановские чтения» (г. Тюмень, 2013 г.), «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (г. Казань, 2013 г.), «Преемственность традиций в литературах родственных народов Поволжья и Приуралья» (г. Уфа, 2013 г.), «Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения» (г. Казань, 2014 г.), «Культурное и этническое многообразие тюркского

мира» (г. Тюмень, 2014 г.), «Филологический аспект» (г. Нижний Новгород, 2015 г.), «Творческое наследие просветителей тюркского мира» (г. Астана–Казань, 2015 г.), «Проблемы сохранения и развития языков народов РФ» (г. Махачкала, 2015 г.), «Традиционная культура народов Поволжья» (г. Казань, 2016 г.), «Габдулла Тукай и тюркский мир» (г. Казань, 2016 г.), «Семантические модели и технологии» (г. Казань, 2016 г.), «Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире» (г. Казань, 2017 г.), «Габдулла Тукай в культурном пространстве XX–XXI вв.» (г. Казань, 2021 г.).

Кроме того, результаты исследования докладывались на ежегодных итоговых научных конференциях Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, обсуждались на расширенных заседаниях отдела лексикологии и диалектологии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Любая синтаксическая конструкция не может существовать без смысловой связи. В свою очередь, синтаксическая связь определяет семантическую и формальную сторону предложения. На каждом ярусе синтаксиса разные конструкции обладают характерными для них структурными особенностями и формальными средствами выражения типов отношений, а взаимодействия между ярусами регулируются определенными специфическими для преобразуемых единиц правилами трансформации.

2. Категория обусловленности, которая включает в себя семантику причины и следствия, цели, условия, уступки, будучи одновременно бытийной, философской, логической, психологической, понятийной и языковой категорией, в плане языковой реализации относится к функционально-семантическому типу, представляет собой сложноструктурированное ментально-языковое образование. Особое место в системе отношений обусловленности принадлежит предложениям с модальными словами. В результате воздействия модальных слов и частиц обстоятельственная конструкция приобретает синкретичную семантику. Кроме того, в отдельных случаях наличие модально-вводных слов между компонентами сложного предложения обладает конструктивной значимостью.

3. Обусловленность всегда находится во взаимной связи с каузальностью, когда одно событие порождается другим, таким образом, логически ядро семантики обусловленности в татарском языке составляют причинно-следственные отношения.

4. Семантическая структура уступительных конструкций содержит невыраженный компонент – предполагаемое следствие. Следовательно, уступительная конструкция семантически состоит из трех частей, совмещает отношения основания-следствия и противопоставления. В противоречие между собой вступают при этом не условие и результат, а ожидаемое и неожиданное следствие, которые вытекают из одного и того же условия. С помощью уступительной семантики фиксируется противоречие (несоответствие) не двух конкретных фактов, а типового представления говорящего о данных фактах.

5. Кондициональные отношения смыкаются с темпоральными, при этом образуют конструкцию с синкретичной семантикой. Таким конструкциям характерна нечеткость выражения одновременности/последовательности, поскольку в этом случае основная смысловая нагрузка падает на взаимобусловленность действий, а не на их соотнесенность во времени.

6. Лингвистическая категория пространственности выступает в качестве языковой интерпретации мыслительной категории пространства, которая часто не совпадает с реальным пространством. Ее можно охарактеризовать как категорию пространственной локализации; соотнесение отдельного действия, события, явления, признака, предмета с конкретной точкой пространства, в которой происходит его бытие. Пространственные отношения пересекаются с другими семантико-синтаксическими отношениями, образуя при этом некий континуум пространственно-темпоральной, пространственно-целевой и др. семантики.

7. Пояснение является семантико-синтаксической категорией, которая представляет реализацию пояснительной семантики посредством расширения либо сужения объема информации в одноуровневых синтаксических единицах. В семантическом плане поясняющий компонент характеризуется более подробным изложением, расширением (от общего к частному) или же обобщением, сужением (от частного к общему) информации в зависимости от коммуникативного фактора. При этом расширение содержит дополнительные сведения. Сужение служит для концентрации внимания слушающего на актуальном факте, который не выходит за рамки информационного пространства предыдущей синтаксической единицы. Пояснительная семантика связана с отношениями между внеязыковыми сущностями, сопоставляющимися на какой-либо основе и представляющими в репрезентируемой ситуации иерархическую зависимость.

Личный вклад диссертанта. Научные результаты, обоснованные в работе и выносимые на защиту, получены диссертантом самостоятельно, изложены в двух монографиях, опубликованы в рецензируемых, международных, периодических центральных научных изданиях, материалах научно-практических конференций и симпозиумов, обсуждены на научных конференциях.

Структура и объем диссертации. Структура диссертационной работы определяется поставленными и решаемыми в исследовании задачами и состоит из введения, четырех глав, заключения, перечня условных сокращений, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и научная новизна исследования, освещена степень научной разработанности проблемы, определены объект, предмет, цель и задачи, методологическая основа исследования, раскрыты теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, освещены

материал, апробация результатов исследования, структура и объем диссертации.

В первой главе **«Теоретические основы исследования семантико-синтаксических отношений в татарском языке»** систематизированы теоретические материалы по общему, тюркскому и татарскому синтаксису, необходимые для изучения смысловых отношений. Охарактеризовано общее состояние научной разработки исследуемого вопроса, рассмотрены существующие точки зрения на проблему изучения смысловых отношений между синтаксическими единицами, выявлены и проанализированы труды по заявленной научной проблеме в общем языкознании и тюркологии с целью определения основных аспектов ее исследования. В параграфе 1.1. **«Классификация семантико-синтаксических отношений в контексте функционирования системы языка»** рассмотрены существующие классификации семантико-синтаксических отношений В. А. Белошапковой, Н. С. Валгиной, П. А. Леканта; научные взгляды тюркологов Г. Алпарова, В. А. Богородицкого, К. Насыри, В. Н. Хангильдина, М. З. Закиева на смысловые отношения в рамках изучения второстепенных членов предложения и придаточных предложений; определен состав обстоятельственных отношений, в который входят условные, уступительные, причинно-следственные, целевые, пространственные и временные отношения. Следует отметить, что кроме этого, отношения цели, причины и следствия, условия, уступки традиционно объединяются в комплекс отношений обусловленности и исследуются многими лингвистами как единая категория. Основанием для объединения этих отношений служит наличие в их структуре двух зависимых, соотнесенных друг с другом компонентов.

В татарском языкознании обстоятельственные отношения, которые включают в себя функционально-семантические категории и отражают взаимообусловленность явлений реальной действительности, требовали многоаспектного научного изучения. Основное направление исследования обстоятельственных отношений сводилось к описанию и анализу их отдельных разновидностей. Тем не менее, есть случаи, когда в одной синтаксической конструкции синкретично представляются сразу несколько значений. Выявление структурно-семантических особенностей обстоятельственных отношений и взаимодействие их типов еще нуждались в глубоком теоретическом освещении и детальной проработке. Исходя из всего этого, в диссертации было проведено исследование взаимосвязи, синкретизма, переплетения одних обстоятельственных отношений с другими в татарском языке.

Параграф 1.2. **«Атрибутивные, объектные, пояснительные отношения в татарском языке и способы их выражения»** состоит из трех подпараграфов. В подпараграфе 1.2.1. **«Семантическая категория атрибутивности»** рассмотрена история вопроса в общем языкознании и в трудах тюркологов, определены основные аспекты изучения атрибутивных отношений, раскрыта сущность атрибутивности как категории семантики. Вопрос выражения действительности в языке интересовал мыслителей со времен

античности. Атрибут предмета как член, выражающий признак, был выделен еще в период господства теории универсальной логической грамматики. Появление в языке конструкций с атрибутивной семантикой связано с потребностью отличить и выделить один предмет от подобных ему других предметов, указав на присущие собственно ему специфические признаки.

Охарактеризованы исследования структурно-семантических особенностей атрибутивных отношений (И. И. Бойцова, Н. И. Варламова, Ч. Ю. Латыпов, Н. Н. Матвеева, Г. И. Свердлов, П. Ф. Шанин и др.). Рассмотрены основные подходы к исследованию атрибутивных отношений в современной русистике: с разных позиций (Г. Ю. Вострецова, Л. М. Меликова, Т. В. Джаниани и др.) и в разных стилях (в разговорной речи – Н. И. Кузнецова; в публицистическом стиле – С. А. Петров; в научном стиле – Ж. Гомбош), в сопоставительно-типологическом плане (Д. Р. Ханаху). Проанализированы труды тюркологов И. Д. Банковой, А. Гулямова, Р. Джуманиязова, А. С. Сафаева, Г. Г. Торотоева, Э. Хужаниязова, посвященные исследованию атрибутивности.

Исследование атрибутивных конструкций в татарском языке позволило определить, что основным выразителем понятия атрибутивности является грамматическая категория прилагательного. В татарском языкознании изучение имени прилагательного началось в XIX веке по мере составления грамматик татарского языка. Сведения о прилагательном как о грамматической категории имеются в трудах И. Гиганова, А. К. Казем-Бека, А. Троянского, К. Насыри и др. Впервые прилагательное как часть речи рассматривается И. Гигановым («Грамматика татарского языка», 1801 г.). В грамматике А. К. Казем-Бека («Общая грамматика турецко-татарского языка», 1846 г.) прилагательным посвящается отдельная глава. Как известно, в основе атрибутивных отношений лежит конкретизирующая связь. Средства выражения конкретизирующей связи впервые в тюркологии описываются М. З. Закиевым¹.

В исследованиях по татарскому языку атрибутивные отношения рассматриваются в рамках изучения определительных словосочетаний, определений и определительных предложений.

Подпараграф 1.2.2. **«Объект в семантической структуре предложения»** посвящен изучению объектных отношений в татарском языке. Значимое место в семантической структуре предложения занимает объект. Когда предикат обозначается переходным и понудительным глаголом, наличие объекта в предложении обязательно. При объектных отношениях глаголы, причастия и дееспричастия вступают в семантико-грамматическую связь с именами существительными. В предложении объектные отношения, как правило, устанавливаются между дополнением и сказуемым. Установлено, что в татарском языкознании их изучение, как и других видов смысловых отношений, началось в рамках исследования второстепенных членов предложения.

---

¹ Закиев М. З. Хэзерге татар әдәби теле. Синтаксис. Казан, 1958. 242 б.

Объектные отношения возникают при выражении прямой или косвенной направленности действия на предмет. В системе объектных отношений, как в философии, так и в лингвистике, выделяются прямой и косвенный объекты. Прямой объект указывает на реальный или грамматический объект, над которым совершается действие в реальном или грамматическом смысле. Он, как правило, употребляется с переходным глаголом, который может быть не только сказуемым, но и другим членом предложения. Косвенный объект имеет косвенное отношение к действию. Прямой объект разделяется на определенный и неопределенный. Выделение определенных и неопределенных прямых объектов сводится к грамматической определенности и неопределенности предмета, т. е. осведомленности и неосведомленности говорящего о предмете.

В подпараграфе 1.2.3. «**Синтаксическое выражение семантики пояснения**» рассмотрена структурно-семантическая организация пояснительных конструкций. Доказано, что компоненты пояснительных конструкций находятся в следующих логических отношениях: равенства (тождества, эквивалентности), которое устанавливается между тождественными понятиями (*Ә һакыйкатъ барыбер өскә чыгарга тиеш, чөнки аннан башка жир йөзендә **хаклык**, ягни дә **гаделлек** урнаша алмый!..* (Ф. Яхин. Тормыш бәясе). 'А истина все равно должна всплыть, потому что без нее не может установиться правда, то есть справедливость на земле'); включения (подчинения), когда объем одного понятия шире объема другого понятия (*Әхәт кабат **Минжан батырны, аңа канат куйган, данлы киләчәгенә ышанган батырны, исенә төшерде*** (Р. Галиуллин. Әхәт Батыр). 'Ахәт снова вспомнил Минжан батыра, батыра, окрылившего его, верившего в его славное будущее'); перекрещивания, когда объем одного понятия лишь частично входит в объем другого, и они не тождественны по содержанию (*Мәетнең сул ягы буйлап, ишектән түргәчә ике рәт булып, **дин әһле – дәверчеләр, фидиячеләр сафланганнар*** (Г. Ибраһимов. Казакъ кызы). 'По левую сторону покойника с порога до конца комнаты в два ряда выстроились богословы – исполнители религиозного обычая «дәвер», получатели посмертного пожертвования').

В основе пояснительных отношений лежат логико-мыслительные процессы. Анализ показал, что появление в предложении поясняющего компонента не прогнозируется грамматически (поскольку его синтаксическая позиция в предложении эксплицитно представляется поясняемым компонентом), определяется различными коммуникативно-прагматическими установками.

Параграф 1.3. «**Структурно-семантические особенности отношений обусловленности в татарском языке**» состоит из четырех подпараграфов. В подпараграфе 1.3.1. «**Причинно-следственные отношения как ядро семантики обусловленности**» выявлены и проанализированы основные научные подходы к изучению обусловленности в общем языкознании: на материале разных функциональных стилей: труды Т. С. Ветчиновой,

М. В. Глазунова (в языке художественной литературы); Юань Мяосой (в публицистическом стиле); Т. А. Глушенко (в официально-деловом стиле); Н. П. Галкиной (в научном стиле). Одни языковеды исследуют отдельные типы отношений обусловленности, например: причинно-следственные – Л. Л. Бабалова, Т. С. Ветчинова, М. А. Калюга, Ю. Ю. Леденев; целевые – М. В. Глазунов; условные – Л. Л. Бабалова, В. С. Храковский; уступительные – В. С. Храковский, Юань Мяосой. Другими исследователями (Н. Н. Дробышевой, В. Б. Евтюхиным, Саид Али Муртада, Р. М. Теремовой) обусловленность рассматривается как целостный лингвистический объект. Изучение категории обусловленности в функционально-семантическом аспекте связано с именем А. В. Бондарко и развитием его функциональной грамматики, разработкой теории функционально-семантического поля. В. Б. Евтюхин, В. С. Храковский исследуют обусловленность как функционально-семантическое макрополе, которое вбирает в себя микрополя причины, следствия, цели, условия и уступки. Рассмотрено исследование отношений обусловленности в трудах тюркологов Р. И. Бачиевой (на материале кумыкского языка), М. А. Бирабасовой (в ногайском языке), А. Р. Губанова (в чувашском языке), А. К. Прокопьевой (на материале якутского языка).

Выяснено, что категория обусловленности как объект лингвистического исследования рассматривается в двух аспектах: универсально-понятийном и конкретно-языковом. В универсально-понятийном аспекте обусловленность представляется концептуальной категорией, а во втором случае – функционально-семантической.

По мнению многих исследователей, функциональное многообразие форм и семантики категории обусловленности в целом сводится к понятию каузальности (Э. Н. Акимова, С. А. Алексанова, А. В. Куковская, Саид Али Муртада). Этим и объясняется тяготение каждой детерминантной синтаксемы со значением обусловленности в той или иной степени выражать семантику причины, что создает предпосылки синкретизма. Основу отношений обусловленности составляют возникшие на когнитивном уровне каузальные связи, отображающиеся в причинно-следственной ситуации. Все отношения обусловленности генетически связаны с категорией каузальности.

В подпараграфе 1.3.2. «**Целевые отношения. Онтологическая связь целевых и причинно-следственных отношений**» изложены лингвистические концепции, составляющие теоретическую основу исследования синкретизма целевой и причинно-следственной семантики. Основным критерием, способствующим их различению, является признак преднамеренности или непреднамеренности действия. Семантика причины и семантика цели связаны онтологически, поскольку причиной осуществления действия служит желание достичь какой-то цели. И при каузальных, и при целевых отношениях одно событие выступает основанием для осуществления другого. Существует определенное слияние, недифференцированность причинных и целевых отношений на ранних этапах развития человеческого мышления, целевые конструкции рассматриваются как производные от причинных.

Цель всегда относится к иному временному плану по отношению к действию, которое выступает средством к достижению этой цели. А при каузальных отношениях действия лежат в одном временном плане, несмотря на временную последовательность событий, которая проявляется в том, что причина происходит раньше своего следствия. Исследование позволило выявить, что в татарском языке причинно-следственные и целевые отношения формально слабо дифференцированы. В предложениях с семантикой цели выражается прямая непосредственная обусловленность явления его желательным следствием. В целевой конструкции объединяются стимулирующее и результирующее значения; следовательно, с одной стороны, целевые предложения семантически близки предложениям следствия, с другой стороны, условным и причинным предложениям. Причина и следствие связаны с реальной модальностью, тогда как цель – с ирреальной.

В подпараграфе 1.3.3. «Семантическое сходство условных отношений с другими типами отношений обусловленности» изложен исследовательский подход к реализации семантического значения условных отношений в татарском языке. Кондициональность относится к языковым объектам, активно изучаемым не только лингвистикой, но и психологией, логикой, философией, т. е. науками, которые исследуют язык и речевую деятельность человека в разных целях с разных позиций. Причем и философией, и логикой условие изучается как двухкомпонентное сложное явление, в котором наличие одного из компонентов напрямую зависит от существования/несуществования другого.

В тюркских языках условное наклонение имеет три модели, которые характеризуются формами на *-са*, *-сар* и *-сан*. Принято считать, что показатель условного наклонения *-сан* возник как результат переосмысления значения одного из видов древнего оптатива. Следует отметить, что условная форма на *-сан/-сен* используется только в чувашском языке.

Ранняя условная форма *-сар/-сәр* встречается еще в языке памятников древнетюркской письменности, и поэтому придаточные условные считаются одним из наиболее рано сформировавшихся типов придаточных предложений.

В языке древнетюркских памятников форма на *-сар*, помимо условных, выражает и уступительные отношения. В «Грамматике древнетюркского языка» Марселя Эрдала отмечается, что основное значение формы *-сар* условное, однако конструкции с *-сар* могут выражать и темпоральную (в этом случае сам аффикс переводится как 'когда'), и уступительную семантику².

Вместо древней формы *-сар* в современных тюркских языках используется аффикс *-са*. Эта форма сохраняет конечное *-р* (*-тар* соответствует *-сар*) лишь в якутском языке.

В татарском языкознании истоки изучения условных отношений восходят к первому татарским грамматикам (труды А. К. Казем-Бека, К. Насыри),

---

² Erdal Marcel. A grammar of Old Turkic. Leiden; Boston; Brill, 2004. XII. С. 480; 484.

в которых наблюдается неразграничение условных и уступительных отношений, что продолжает встречаться и в последующих татарских грамматиках (труды Г. Алпарова, В. Н. Хангильдина). До 60-х годов XX века кондициональность, как и другие языковые явления, исследуется с формальной стороны, анализируются грамматические средства выражения условных отношений. Гораздо позже, с развитием интереса к смысловой стороне языковых фактов, возникновением функциональной грамматики, начинается структурно-семантическое описание кондициональности. В современном языкознании условные отношения подвергаются разноплановому научному исследованию. При этом структурно-семантические связи кондициональности с другими обстоятельственными отношениями (темпоральными, причинно-следственными, уступительными и др.) изучаются особенно активно. На материале тюркских языков кондициональность исследована А. Г. Азизовой, А. Х. Ашраповой, И. З. Гасымовым, Б. Ходжаевым.

В подпараграфе 1.3.4. «**Уступительные отношения как связи обрательной обусловленности**» проанализирована семантическая структура уступительных конструкций. Одной из особенностей уступительных отношений является наличие в их семантике модальности, так как они, наряду с описанием действительности, передают и позицию говорящего.

Исследователями поднимается вопрос о генезисе сложных структур, выражающих уступительность. В лингвистической литературе встречаются разные точки зрения на пути развития уступительных отношений. Поскольку они и по форме, и по значению связаны с причинно-следственными, условными, временными отношениями, обладают комплексной семантикой, могут называться самыми сложными среди других типов обстоятельственных отношений. В трудах М. В. Ляпон, Е. В. Падучевой, Е. В. Урысон семантика уступительности рассматривается как комбинация каузальности и отрицания. Тем не менее, подобные положения нуждаются в некоторых уточнениях, так как в них часто не учитывается условный компонент. Как показывают проанализированные нами примеры, нормативные каузальные отношения в уступительных конструкциях бывают нарушены. Другие языковеды сближают уступительные отношения с кондициональными (например, В. А. Богородицкий, Н. К. Дмитриев, Б. В. Лавров, В. С. Храковский), отмечают семантическую и деривационную связь уступительных конструкций с условными и причинными конструкциями (Катрин Кару, Я. А. Спринчак). В уступительных конструкциях семантика обусловленности взаимодействует с противительной. Многие исследователи признают связь уступительных и противительных отношений, однако при противительном отношении утверждение выражается в обоих компонентах сложного предложения, тогда как при уступительном утверждается только главная часть сложноподчиненного предложения, а в зависимой части содержится отрицание. В уступительных конструкциях выражается отсутствие имплицитного, невербализируемого логического (ожидаемого) следствия, несмотря на наличие необходимых условий для его осуществления.

Языковая реализация категории уступительности осуществляется через уступительную ситуацию. Структуру уступительной семантики составляет отношение обратной обусловленности, в которое входят событие-уступка, предполагаемое следствие, действительная причина и противоположное предполагаемому фактическое следствие. Выявлено, что уступительная конструкция имеет сложную семантическую организацию: по структуре двухкомпонентная конструкция семантически является трехкомпонентной. В уступительных отношениях содержится противоречие события-уступки и фактического следствия, которое совершается вопреки недействительному основанию и является противоположным ожидаемому следствию. Уступительные конструкции включают в себя утверждение о несовместимости, взаимоисключаемости двух ситуаций и в то же время констатируют их сосуществование.

Параграф 1.4. **«Языковая интерпретация пространства и времени»** состоит из двух подпараграфов. В подпараграфе 1.4.1. **«Лексико-синтаксическая категория пространства»** выявлены и проанализированы основные научные подходы к изучению пространственности. Исследование категорий 'пространство' и 'время' в языкознании проводится в двух основных направлениях, первое из которых предполагает изучение пространственно-временных основ структуры языка; а второе связано с анализом смысловых мотивировок пространственно-временных категорий в конкретных языках с целью создания их лексико-семантической типологии выражения. Пространственная семантика реализуется в языке в значениях места и направления. Когда говорим о пространственных отношениях, мы, как правило, подразумеваем пространственную характеристику отдельных предметов, а не выражение в языке пространственного представления об окружающем мире. Установлено, что от других видов обстоятельственных отношений пространственность отличается большей конкретностью, проявляющейся в ориентации пространственного значения на конкретный предмет.

Исследованием «произрастания» содержательных форм воплощения понятия пространство в процессе коммуникации занимались О. Ю. Богуславский, Л. М. Васильев, Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова, В. Г. Гак, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, О. В. Мяшева, Е. В. Рахилина, Г. В. Савчук и др. Большое число трудов зарубежных и отечественных лингвистов посвящено концептуализации пространства и времени в сфере семантики предлогов. В лингвистической литературе встречается разное трактование пространственности, которая интерпретируется: как функционально-семантическая категория (Л. Н. Федосеева), как расположение в пространстве событий, предметов, действий (Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова), как определение положения в пространстве одного явления по отношению к другим явлениям (В. Д. Аракин).

В русском языкознании анализированы средства выражения пространственных отношений (существительные, наречия, предлоги); с функционально-семантической стороны пространственность изучается в трудах А. В. Бондарко, М. В. Всеволодовой; исследованию пространственности в

когнитивном направлении посвящены работы Ю. Д. Апресян, А. В. Кравченко, Е. С. Кубряковой, Е. В. Рахилиной. В тюркологии, за исключением нескольких исследований, практически нет специальных трудов, посвященных изучению категории пространства. В основном описывается план выражения данной категории на материале тюркских языков в исследованиях А. Т. Додуевой (в карачаево-балкарском языке), Р. А. Иманалиевой (в казахском языке), И. А. Невской (в шорском языке), Ю. У. Хочавовой (в кумыкском языке). Помимо этого, тюркологи в той или иной степени касались вопросов пространственности попутно в связи с изучением обстоятельств места, падежей, послелогов и послеложных слов с пространственным значением на материале тюркских языков или в сравнительно-сопоставительном аспекте (труды Г. Х. Демесиновой, Р. Х. Есбаевой, Э. Н. Кардашева, А. Б. Хертек, А. Н. Чугунковой).

Пространственные отношения имеют большое значение в построении высказывания. Конкретизация места совершения событий выступает в качестве семантического средства, которое помогает говорящему осуществлять смену темы, обозначать переход от одной ситуации к другой, тем самым пространственность создает событийность текста.

В подпараграфе 1.4.2. «**Темпоральность. Временная обусловленность процессов**» изложены научные подходы, составляющие теоретическую основу исследования временных отношений в татарском языке.

Вопрос языкового выражения временных отношений в лингвистической науке изучается в рамках понятия *темпоральность*. В трудах А. В. Бондарко темпоральность отмечается как семантическая категория, в которой отражаются восприятие и осмысление человеком времени осуществления тех или иных событий по отношению к моменту речи. Считается, что семантическая категория темпоральности намного шире грамматической категории времени, поскольку вбирает в себя и грамматические, и лексические средства выражения временных отношений.

К изучению категории времени применяются функционально-семантический (А. В. Бондарко, М. В. Всеволодова) и структурно-семантический (Н. А. Андрамонова, А. К. Музафарова, Н. В. Шуваева) подходы. В некоторых исследованиях языковое выражение категории времени рассматривается на материале конкретных художественных произведений (труды Е. С. Агаповой, Д. А. Салимовой, Л. А. Усмановой). Временные отношения на материале татарского языка исследованы в качестве категории таксиса (М. С. Азисовой), в сопоставительном аспекте (Д. Р. Гильфановой, М. Н. Закамулиной), на материале других тюркских языков – в ходе проведения системного формально-семантического исследования простых и сложных синонимических предложений (А. С. Исаевой), сложноподчиненных предложений с придаточным времени (Л. Л. Рахматуллиной), обстоятельств времени (Д. С. Семигуловой).

Установлено, что соотношенность действий со временем имеет три аспекта: одновременность и разновременность момента действия и

названного временного отрезка, заполненность и незаполненность временного отрезка действием, завершенность и незавершенность действия.

Анализ показал, что в татарском языке встречается синкретизм причинно-следственных и временных отношений. Это связано прежде всего с одинаковыми грамматическими формами и временной зависимостью, последовательностью причины и следствия. Например, обстоятельства причины и времени в татарском языке формально слабо дифференцированы. Временная обусловленность процессов, осложненная условной или причинно-следственной, переводит подобные конструкции в разряд, где темпоральная семантика первой части приводит к следственному значению во второй (...*Көз житсә, яфрак та өзлә* (Ф. Жамалетдинова. Бөрө). 'С приходом осени и листья опадают').

Во второй главе «**Атрибутивные, объектные и пояснительные отношения в татарском языке**» выявлены и проанализированы структурно-семантические особенности основных типов конструкций, выражающих атрибутивные, объектные и пояснительные отношения, в татарском языке, представлены функциональные эквиваленты подобных смысловых строев в других тюркских языках.

В параграфе 2.1. «**Семантика атрибутивных отношений. Модели атрибутивных конструкций**» представлены результаты изучения структурно-семантической организации атрибутивных отношений в татарском языке. Атрибутивные отношения между синтаксическими единицами устанавливаются при обозначении многочисленных постоянных или временных признаков, которые характеризуют предмет внешне либо внутренне.

Исследование подтвердило известное положение о том, что для репрезентации атрибутивных отношений наиболее часто употребляется синтаксическая модель «прилагательное+существительное». Кроме этого, определяющее слово в атрибутивных словосочетаниях может выражаться нумеративом с аффиксом *-лык*, нумеративом с аффиксом *-лы*, количественным, порядковым, разделительным, приблизительным числительным, притяжательным, указательным, определительным местоимением, качественным прилагательным, относительным прилагательным на *-лы* (семантика обладания формы *-лы* была широко распространена еще в древних тюркских памятниках, например, словарь Махмуда Кашгарского), относительным прилагательным на *-сыз* (следует отметить, что аффикс *-сыз* в различных фонетических модификациях используется во многих тюркских языках, кроме алтайского, тувинского, хакасского, шорского и якутского), относительным прилагательным с аффиксом *-гы*, который, как правило, присоединяется к форме местно-временного падежа и характеризует предмет по отношению к пространству или времени, причастием на *-ган* (Причастие на *-ган*, изначально употреблявшееся во всех тюркских языках, в огузских языках было вытеснено причастием на *-мыш*: азерб. (азербайджанский) *сынмыш ағач* 'сломанное дерево', гаг. (гагаузский) *топланмыш бибер* 'собранный перец', тур. (турецкий) *gitmiş kişi* 'ушедший человек'. Об

употреблении формы *-мыш (-mlš)* в атрибутивных конструкциях говорится в «Грамматике древнетюркского языка» М. Эрдаля³), причастиями на *-р* (отрицательная форма *-мас*), *-ачак*, *-учы*, *-асы*, именем существительным с аффиксом *-лык*, который указывает на назначение предмета, типами изафета.

В некоторых тюркских языках атрибутивная семантика, передаваемая формой второго типа изафета, может быть оформлена без аффиксов, что недопустимо для татарского языка. Например: карач.-балк. (карачаево-балкарский) *терек бутакъ* (букв. 'дерево ветка') 'ветка дерева', кум. (кумыкский) *къумукъ тиль* (букв. 'кумык язык') 'кумыкский язык', узб. (узбекский) *қўл соат* (букв. 'рука часы') 'ручные часы'. (Примеры, как было указано выше, взяты из научных грамматик и справочников других тюркских языков, подробные ссылки на которые имеются в тексте диссертации).

В параграфе 2.2. «**Конструкции с атрибутивным значением, осложненным дополнительными значениями**» выявлены и проанализированы семантические модели предложений с атрибутивными отношениями в татарском языке: предложения с атрибутивно-выделительными отношениями (*Тик менә кеше гомерендә шундый вакытлар була ки, хәтта жәйге кояш та, күңел күгендәге болытларны эретеп, багырьнең сызлануын әҗицәләйтә алмый икән* (М. Маликова. Арыш тәме). 'Но в жизни человека бывают такие моменты, что даже летнее солнце не может, оказывается, растопить облака на небе души и облегчить душевную боль'), предложения с атрибутивно-временными отношениями (*Мин инде кичәге көнемне, кичәге бәхетемне сагынам* (Ф. Бәйрәмова. Больн). 'Я уже скучаю по своему вчерашнему дню, по своему вчерашнему счастью'), предложения с атрибутивно-пространственными отношениями (*Өйдәге тормыш та әллә ничек көйсезләнеп китте* (Г. Ахунов. Идел кызы). 'И домашняя жизнь как-то пошла не так').

Анализ конструкций с атрибутивным значением показал, что в определенном контексте предложения с атрибутивной семантикой способны приобретать дополнительные смысловые оттенки выделительных, временных, пространственных значений, образовать двухслойную атрибутивно-выделительную, атрибутивно-временную, атрибутивно-пространственную семантику.

В параграфе 2.3. «**Прямой и косвенный объекты в системе объектных отношений**» выполнен анализ объектных отношений в татарском языке. В конструкциях, выражающих объектные отношения, указывается на прямой или косвенный объект. Словосочетание с зависимым словом в форме винительного падежа выражает действие с прямым объектом: *Намусыңны яшьтән сакла* (Пословица). 'Береги честь смолоду'. Как стилистический прием, для выражения объектного отношения вместо формы винительного падежа может использоваться исходный падеж: *Менә, улым, балдан кап, майдан кап...* (Ф. Яхин. Ак канатлы бөркет баласы). 'Вот, сынок, ешь мед, масло...'

³ Erdal Marcel. A grammar of Old Turkic. Leiden; Boston; Brill, 2004. XII. С. 299.

Словосочетание с именем в направительном падеже выражает действие с косвенным объектом: *Педагогларга тупас мөгәмләдә* (Р. Батулла. Бию жеңе кагылган егет). ‘Дерзок по отношению к педагогам’.

Косвенный объект в татарском языке может выражаться именем в основном падеже в сочетании с послелогами: *белән ‘с’* (*Атаң белән мактанма, атың белән мактан* (Пословица). ‘Не козыряй своим отцом, гордись своим именем’), *турында, хақында ‘о’* (*Исән кеше яшәү турында уйларга тиеш* (М. Маликова. Арыш тәме). ‘Живой человек должен думать о жизни’), *арафыннан/арафтан ‘со стороны’* (*Аңа табигать арафыннан бирелгән әлеге сәләтләр дә әнә шул бәйсезлекне, ирек сөенә көчәйтәләр төсле иде* (М. Вәлиев. Идел яры). ‘Кажется, что эти способности, которыми наделила его сама природа, усиливали эту независимость и свободолюбие’), *артыннан ‘сверх’, буенча ‘по’, урынына ‘вместо’* (*Икмәк корсак артыннан йөрми* (Пословица). ‘Хлеб за брюхом не ходит’), *күрә ‘по’* (*Казанына күрә чүмече* (Пословица). ‘По котлу и поварешка’), *башка ‘кроме’* (*Мин – рәссам, иҗаттан башка бернәрсәгә ышанмыйм*. ‘Я – художник, ничему кроме творчества не верю’).

Таким образом, прямой и косвенный объекты в татарском языке имеют разную структурно-семантическую наполненность.

В параграфе 2.4. «**Формальная схожесть объектных и пространственных отношений**» приведены результаты выполненного комплексного сравнительного анализа объектных и пространственных отношений. Исследование позволило определить, что если сказуемое предложения выражено непереходным статичным глаголом, имя существительное в направительном падеже является косвенным объектом, в предложении выполняет роль косвенного дополнения; когда сказуемое передано непереходным динамичным глаголом, данное слово является обстоятельством места, складывается пространственное отношение: *Бер казанга ике тәкә башы сыймас* (Пословица). ‘В один котел не уместятся головы двух баранов’ (объектное отношение); *Балалар урамга чыктылар*. ‘Дети вышли на улицу’ (пространственная семантика). При выражении сказуемого предложения статичным глаголом, зависимое слово в винительном падеже является прямым дополнением, между компонентами складывается объектное отношение; а когда сказуемое передается динамичным глаголом, зависимое слово является обстоятельством места, выражается пространственное значение. Существительное в форме местно-временного падежа служит в предложении косвенным дополнением, если указывает на местонахождение предмета, и обстоятельством места, если показывает место совершения процесса: *Изгелек җирдә ятмас* (Пословица). ‘Доброта без награды не останется’ (пространственное отношение); *Балыкта сөт юк, елқыда үт юк* (Пословица). ‘У рыбы нет молока, у лошади нет желчи’ (объектное отношение).

При выражении сказуемого предложения переходным статичным и непереходным статичным, переходным динамичным глаголом, между ним и зависимым словом в исходном падеже складываются объектные отношения

(выражается косвенный объект), когда сказуемое выражается непереходным динамичным глаголом – пространственное отношение: *Бер калыптан чыккан* (Пословица). букв. ‘Вышли из-под одной колодки’ (объектное отношение); *Алар авылдан килгәннәр*. ‘Они приехали из деревни’ (пространственное отношение).

Установлено, что в татарском языке косвенные объектные и пространственные отношения различаются не по грамматическому оформлению, а по семантическому содержанию.

В параграфе 2.5. «**Основные конструкционные модели пояснительных отношений**» представлены результаты исследования структурно-семантических особенностей пояснительных конструкций. Установлено, что компоненты пояснительной конструкции в татарском языке соединяются между собой с помощью союзных слов, которые обогащают значение пояснения разными семантическими, модально-оценочными оттенками, и своеобразной, близкой к интонации ожидания, интонации.

Выяснено, что среди союзных пояснительных конструкций наиболее употребительными являются построения с союзным словом *ягъни* ‘то есть’, которое обеспечивает самое полное выражение тождества. Такое пояснение выполняет коммуникативную функцию разъяснения требующего (с точки зрения говорящего) объяснения компонента: *Миңа бирелгән җәза да шуңа тартым, ягъни мин дә коточкыч рухи газәпләр кичерергә хәкәм ителдем* (А. Тимергалин. Сәнгәтә бакчасында). ‘Данное мне наказание тоже было немного похожим на это, то есть я тоже был приговорен к ужасным душевным страданиям’. Союзные слова *дәресрәге* ‘точнее’, *төгәлрәк әйткәндә* ‘а именно’ конкретизируют, выражают полное тождество объектов: *Көндәлегемне дә вакытым булганда, дәресрәге, хәлем булганда гына яза алам* (Р. Галиуллин. Хушыгыз, кешеләр!). ‘И свой дневник я могу заполнять лишь когда есть время, точнее силы’. В пояснительных конструкциях с союзными словами *мәсәлән* ‘например’, *аеруча* ‘особенно’, *шул исәптән* ‘в том числе’ содержится семантика включения. В этом случае пояснение представляет поясняемое не в полном объеме, а играет роль частного в содержании всего предложения: *Кош-кортны бик сөючән иде, аеруча карлыгач белән күгәрчәннәрне бик кадерли иде* (Г. Ибраһимов. Тирән тамырлар). ‘Он очень любил птиц, особенно ему нравились ласточки и голуби’. Слово *мәсәлән* ‘например’ вводит в предложение приведенный в пояснение чего-нибудь пример, образец: *Мондый изге эшнәң үз вакыты да булгандыр бит, мәсәлән, яшьлек чагы...* (Г. Минский. Канәфер чәчәге). ‘У такого святого дела, должно быть, было свое время, например, время молодости...’. Союзное слово *аерым алганда* ‘в частности’ используется для подчеркивания чего-нибудь отдельного, частного: *Жыелган халык, аерым алганда яшьләр, әлеге тәкъдимне шатланып кабул итте*. ‘Собравшиеся люди, в частности молодые, с радостью приняли это предложение’. Союзное слово *шул исәптән, шул санда* ‘в том числе’ имеет семантику присоединения: *Аннары Муса фермада эшләүче кызларны, колхоз эшеннән калмый торган әби-*

бабайларны, *шул исэптэн* карчыгы белэн Алыпкул бабайны да, аерым бер жылы сүз табып, мактап узды (Ш. Маннур. Муса). 'Затем Муса похвалил работающих на ферме девушек, бабушек-дедушек, в том числе дедушку Алыпкул и его жену'. Союзное слово *бигрэк тә* 'особенно' употребляется, когда поясняющий компонент представляет особый, наиболее важный пример: *Атилла хан башын күтәрде һәм һәммәсенә дә күз йөртеп чыкты, бигрэк тә илчеләргә игътибар итте* (М. Хәбибуллин. Атилла). 'Хан Атилла поднял голову и осмотрел всех, особенно обратил внимание на послов'. Союзное слово *хәтта* 'даже' выделяет частный признак как неожиданное обстоятельство: *Гуннарда өйләнешү, сөешү, гомумән, ирекле иде, кияүгә чыгу да хәтта* (М. Хәбибуллин. Атилла). 'У гунов женитьба, любовь, вообще, было свободным, даже замужество'.

С помощью поясняющего компонента воссоздается целая ситуация. В пояснении содержится имплицитная информация, которая, в свою очередь, обладает различной семантической наполненностью: пояснение пространственных либо временных координат событий; добавление к исходной новой информации, которая не дублирует предыдущую (при этом актуализируется признак или обстоятельство действия); пояснение может указывать на конкретное лицо, поясняющий компонент может содержать индивидуализацию, которая выражается через имя собственное; в качестве пояснения может выступать более употребительное название, синоним слова; поясняющий компонент может вводиться для выражения максимальной точности, с целью корректировки; пояснение через сопоставление.

Важную роль в пояснительных отношениях играет порядок компонентов. Позиция компонентов пояснительной конструкции имеет грамматический смысл. Порядок слов в таких конструкциях является строго фиксированным и характеризуется обязательной позиционной зависимостью слова.

В параграфе 2.6. «Поясняющая функция присоединительных конструкций» представлены результаты изучения поясняющих компонентов, оформленных в виде присоединительных конструкций. Было выявлено, что в таких конструкциях наблюдается наложение пояснительных и других отношений. Например: *Күп очракта туры сүз – ачы агу, ялган – шифалы дару ул. Бигрэк тә йөрэк ярасына!* (М. Маликова. Арыш тәме). 'В большинстве случаев правда – горький яд, а ложь – целительное лекарство. Особенно на сердечную рану!'. В этом случае посредством пояснения вводится недостающий в основном предложении объект действия. В предложении *Кешеләр үзләренә киңәшче эзләүчән. Бигрэк тә тормышларының катлаулы чакларында* (Ф. Яхин. Иделем акчарлагы). 'Людям свойственно искать себе советчиков. Особенно в моменты сложных жизненных ситуаций' между основным предложением и присоединенной конструкцией устанавливаются и пояснительные, и временные отношения.

Присоединительные конструкции образуются в связи с коммуникативной потребностью говорящего в передаче дополнительной информации.

Таким образом, любая присоединительная конструкция несет в себе пояснительную семантику.

В третьей главе «**Обстоятельственные отношения мотивировочного характера в татарском языке**» проведен комплексный анализ обстоятельственных отношений с учетом достижений современной лингвистической науки в целом и функционального описания языковых явлений в частности. Исследованы связи между разными типами обстоятельственной семантики; уточнена семантика целевых, каузальных, кондициональных, уступительных конструкций и место, которое они занимают в системе обстоятельственных отношений и конструкций обусловленности; выявлены основные закономерности их формальной и содержательной организации.

В параграфе 3.1. «**Логико-смысловые значения обстоятельственных отношений**» выявлены типы обстоятельственных отношений в татарском языке, установлен характер их взаимосвязи. Обстоятельственные отношения являются сложными и многоплановыми, их типы как функционально-семантические категории характеризуются широкой семантической вариативностью, которая связана со сложной системой средств их выражения. Нам представляется целесообразным разделить обстоятельственные отношения на отношения мотивировочного характера и ситуативного плана. Основанием для такого разделения выступает мотивированность следствия, выраженного главной частью, действием, указанным в придаточной части, в обстоятельственных отношениях мотивировочного характера. Обстоятельственные отношения ситуативного плана указывают на внешнюю связанность двух явлений.

В параграфе 3.2. «**Структурно-семантическая общность и специфичность каузальных и целевых отношений**» представлены результаты комплексного сравнительного исследования причинно-следственной и целевой семантики.

Отношения цели выражают обусловленность, при которой одно событие представляется в качестве потенциального результата другого события. Причина порождает другое явление, которое называется следствием, предшествует ему во времени и выступает основой его возникновения.

Сложность разграничения целевых и причинно-следственных отношений в первую очередь связана со способностью одних и тех же средств связи передавать как каузальное, так и целевое значение.

В татарском языке одним из способов репрезентации причинно-следственного отношения являются деепричастные формы в простом или осложненном виде. Деепричастная форма *-ып* может выражать и целевую семантику. Исследование показало, что чаще всего при выражении каузальности деепричастные формы выражают мотивы выполнения действия, указывают на физиологическое, эмоционально-психическое состояние, чувства, переживания, настроение лица, совершившего действие: *Берәу туен сикерә, берәу туңып сикерә* (Пословица). букв. 'Один прыгает от сытости, а другой от холода'.

При выражении семантики цели действие совершается с конкретной целью, осознанно. В предложениях *Әнкәй, бәләш пешерергә жыенып, мичкә ягып жибәрде* (Р. Вәлиев. Иске сәгать дәрәс йөри). ‘Мать, собравшись делать белиш, затопила печку’; *Рәшит, Әминәне тынычландырырга теләп, нидер әйтте*. ‘Желая успокоить Амину, Рашият что-то сказал ей’ выражается определенное намерение субъекта действия. Необходимо отметить, что здесь в зависимых предикациях используются глаголы ‘собираться’ и ‘хотеть’. Таким образом, определенную роль в выражении значения цели играет и лексическая семантика зависимой предикации. При изучении связи между формой и значением во всех случаях необходим наблюдатель, который должен проанализировать смысловое содержание предложения. Тем не менее это не отменяет того, что определенная интерпретация возникает благодаря структуре предложения.

Каузальное значение может выражаться имплицитно. При этом ситуация является неуправляемой, тогда как при целевой семантике – управляемой. К неуправляемым можно отнести, например, ситуации, связанные с природными явлениями, психо-физиологическими состояниями человека: *Көннәрнең иң кыска чагы, бик тиз караңгы төште* (Ә. Еники. Йөрәк сере). ‘Дни сейчас короткие, очень быстро стемнело’. Такие примеры встречаются и в других тюркских языках: азерб. *Хәзан кәлди, соғуғлар дүшдү*. ‘Пришла осень, холода начались’; карач.-балк. *Аяз урду, салкын болду*. ‘Подул ветер, стало прохладно’.

Сравнительный анализ показал, что и каузальные, и целевые отношения непосредственно связаны с мыслительной деятельностью человека, формальные показатели не могут служить способом их разграничения. Основное отличие причинно-следственных и целевых отношений, которые часто формально не дифференцируются, заключается в активности/пассивности субъекта действия. Целевая семантика характеризуется проявлением собственной активности, целенаправленным, сознательным действием субъекта.

В параграфе 3.3. «**Структурно-семантическая организация кондициональных конструкций**» приведены результаты выполненного исследования конструкций, выражающих условные отношения. В основе условных отношений лежит идея порождения, компоненты кондициональной конструкции можно рассмотреть как основание и следствие. В отличие от причины, условие всегда бывает предположительным, при кондициональных отношениях связываются мысленно допускаемые события. Осуществление или неосуществление одной ситуации зависит от наличия или отсутствия определенных факторов.

В татарском языке кондициональность наиболее часто выражается формой сослагательного наклонения глагола, являющейся основным квалификатором условных отношений во всех стилях.

Наряду с условной формой глагола *-са/-сә* часто используется и заимствованный из персидского языка союз *әгәр* ‘если’, который, как правило,

имеет факультативный характер. Он может употребляться вместе с частицей *да/да, та/та* 'и'; имеет архаичные варианты *эгэр-магэр, эгэр дэ магэр* 'если бы да кабы', *эгэренки* 'ежели же', которые встречаются в художественной литературе.

Как показал анализ языкового материала, в некоторых тюркских языках, например, в азербайджанском, караимском, туркменском, в кондициональных конструкциях союз *эгэр* может употребляться и самостоятельно, без сочетания с формой условного наклонения.

В татарском языке синтетические придаточные условия могут присоединяться к главному предложению при помощи вопросительной частицы *-мы/-ме*, слов *исә* 'если', 'в случае чего-либо', *икән* 'раз', 'если', 'так'. Условное значение передается и союзными словами *юкса* 'иначе', *югыйсә* 'иначе, а не то, а то', *булмаса (разг.)* 'в таком случае', относительными словами *шулай булса, алай булса* 'тогда, если так, в таком случае'. Условные отношения могут быть выражены при помощи аффикса отрицательной формы глагола *-ма/-мә*. Подобные примеры часто встречаются в паремиях, однако в них, по нашим наблюдениям, помимо условной, можно усмотреть и каузальную семантику: *Гаепсез аш эзләмә, ач калырсың; гаепсез дус эзләмә, ялгыз калырсың*. 'Не ищи еды без изьяна, останешься голодным; не ищи друга без пороков, останешься одиноким'.

Условная семантика может передаваться при помощи предикативных слов в форме местно-временного падежа. Подобное средство выражения кондициональности не является продуктивным, в таких конструкциях прослеживается и слабовыраженная временная семантика. В редких случаях семантику условия могут передавать деепричастные и причастные формы.

Для реализации условного отношения необходимо наличие как минимум двух событий. В связи с этим в полной мере кондициональность проявляется в сложных предложениях. Тем не менее, кондициональная семантика может быть выражена и простыми предложениями. Так, семантика условия прослеживается в конструкциях с аффиксами *-лы* 'с' и *-сыз* 'без', которые имеют значения наличия и отсутствия чего-либо: *Азыклы ат арымас* (Пословица). букв. 'Сытый конь не устанет'; *Энәсез гөл булмас* (Пословица). 'Нет розы без шипов'.

Форма на *-ганда* позволяет передавать отношения, возникающие на стыке временной и условной семантики, в силу чего может считаться кондиционально-темпоральной. При этом кондициональность выражается, когда сообщается не о единичном временном факте, а о повторяющихся, постоянно действующих явлениях и событиях (*Гаиләдә татулык булганда, эшләр уңай бара*. 'Когда (если) в семье царит мир, дела идут хорошо').

Между компонентами бессоюзного сложносочиненного предложения могут устанавливаться условные отношения, которые не оформляются эксплицитно. В этом случае смысловое отношение выявляется соотношением содержания отдельных членов предложения. Как правило, подобные примеры встречаются в пословицах и поговорках, содержание которых имеет

обобщенный характер: *Вакытың үтте – бәхетең китте*. ‘Время упустил – счастье потерял’. Подобные примеры встречаются и в других тюркских языках: гаг. *Дам чөккәр дирек истәр, кар йаар күрек истәр*. ‘Хлев кренится – подпорку просит, снег идет – лопату просит’; тур. *Öfke gelir göz kızarır, öfke gider yüz kızarır*. ‘Приходит гнев – глаза краснеют, уходит гнев – лицо краснеет’. Необходимо отметить, что в таких бессознательных конструкциях наблюдается наложение условной семантики на временную.

В параграфе 3.4. «**Семантическая связь между кондициональными и каузальными отношениями**» приведены результаты исследования синкретизма условных и причинно-следственных отношений. В татарском языке условная форма *-ca/-сә* может использоваться в конструкциях, представляющих каузальность. Анализ языкового материала показал, что в большинстве случаев для выражения причинно-следственных отношений вместе с условной формой употребляются и другие средства. Например, слово *димәк* ‘значит’ соотносится с таким условным предложением, которое обозначает действие как реальный факт. Оно вносит в предложение новый семантический оттенок: подчеркивается значение вывода, который вытекает на основе высказанной в придаточной части причины. Связь с каузальностью прослеживается, когда обуславливающее событие выступает в качестве основания для того, чтобы сделать определенные умозаключения. Например: *Муллык бар икән, димәк, тырыш* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘Раз есть достаток, значит, старательный’.

Важную роль в разграничении причинно-следственных и условных отношений играет контекст. Например, предложение *Авылда ут юк икән, яшьләр китап укый алмый, гәзит укый алмый* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘В деревне нет света, молодежь не может читать книги, газеты’ также можно понять неоднозначно: *Авылда ут булмаса, яшьләр китап укый алмый, гәзит укый алмый*. ‘Если в деревне нет света, молодежь не может читать книги, газеты’ и *Авылда ут булмаганга, яшьләр китап укый алмый, гәзит укый алмый*. ‘Молодежь не может читать книги, газеты, потому что в деревне нет света’. В таких случаях семантика выявляется либо при помощи интонации (непосредственно во время разговора), либо по контексту. В представленном выше примере выражается причинно-следственное отношение, это можно понять по следующему предложению: *Электрны авылларда булдыру шуның өчен дә кирәк* (Г. Ахунов. Тимерханның күргән-кичергәннәре). ‘И поэтому в деревнях нужно электричество’.

В параграфе 3.5. «**Смысловые отношения, выражаемые формой условного наклонения глагола**» выявлены значения, передаваемые условной формой: желательная семантика (*Эх... минем дә чанам булса*) (Ф. Хөсни. Сөйләнмәгән хикәя). ‘Эх... если бы и у меня были санки’), противопоставление (*Мин кара чәчле булсам, ул аксыл-сары чәчле иде*) (Ә. Гадел. Еракта, томаннар артында...). ‘Если я черноволосый, то он был светловолосым’), условно-сопоставительные отношения (*Кайчагында нәни көймә булсак, Кирәк чакта булдык кораб та*) (З. Нури. Диңгез ярында уйлану). ‘Иногда

мы были небольшой лодкой, когда нужно, были и кораблем’), отношение обратной обусловленности (*Буш чиләкле алларымнан утса, Мәче юлны киссә – шикләну юк...* (Ф. Жамалетдинова. Исән чакта). ‘У меня нет сомнений, даже если передо мной пройдет человек, с пустыми ведрами, дорогу перебежит кот...’), в качестве стилистического приема (в текстовых модулях типа ‘рассуждение’), репрезентация экспрессии (*Әй, аның кукраеп, үзен әллә кемгә куеп сөйләнүен күрсәң* (Х. Камалов. Куян күзе нигә кызыл?). ‘Видел бы ты, как он разговаривает, строит из себя неизвестно кого’), пренебрежение (*Без киттек, калсаң кал...* (К. Сибгат. Замана). ‘Мы пошли, ты (если хочешь) оставайся’), выражение быстроты действия (*Күзен ачса, бусага янында дүрт-биш кеше басып тора* (А. Гыйләжев. Тәрәзәләр). ‘Открыл глаза, увидел, что у порога стоит четыре-пять человек’).

В некоторых конструкциях аффиксом условного наклонения глагола синкретично репрезентируются значения условия и вводности. При этом придаточное предложение, вводимое формой *-са/-сә*, обозначает условие лишь как попутное замечание, выражающее модальную характеристику явления, описанного в главном предложении: *Безнең авылда, дөресен әйтсәм, кушаматсыз малай юк* (Ә. Гадел. Еракта, томаннар артында...). ‘По правде говоря, в нашей деревне нет мальчика без прозвища’.

Анализ языкового материала показал, что в татарском языке конструкция с аффиксом *-са* по семантике очень многогранна, в зависимости от общего смыслового содержания контекста может передавать разнообразные значения.

В параграфе 3.6. «Уступительные отношения в системе обстоятельственных отношений мотивировочного характера» представлены результаты выполненного комплексного исследования уступительных отношений. Уступительные отношения складываются при существовании противоречия между основными и второстепенными событиями: событие, выраженное в придаточной части, не является основанием для того, чтобы отменить описанную в главной части ситуацию.

В качестве средств связи в уступительных конструкциях в татарском языке преобладающей является форма *-са да*, которая, как правило, выражает реально-уступительную семантику, в уступительном компоненте содержится представляющее собой реальное событие отвергнутое препятствующее основание.

Когда оба события выступают конкретными фактами, их несовместимость, категорическое несоответствие также относится к реальной действительности, уступительность выражается с помощью послелогов *карамастан, карамый* ‘несмотря на...’, ‘невзирая на...’. При выражении уступительной семантики сочетанием *шулай да* ‘все же’ подчеркивается, что одна ситуация существует, несмотря на другую препятствующую ситуацию. Когда уступительность передается формой побудительного наклонения, семантика компонентов предложения противопоставляется, присутствует оттенок допущения. Недейственное препятствующее основание

выступает в качестве предполагаемого факта, поэтому подобные примеры могут рассматриваться как выражающие уступительно-предположительную семантику.

В татарском языке уступительная семантика может передаваться отрицательной формой глагола, выраженной аффиксом *-ma/-mä*; вопросительной частицей *-my/-me*; причастием на *-ган* в форме местно-временного падежа с частицей *да/дә*; деепричастной формой *-ып* с частицей *да/дә* и без. Лексический повтор компонентов также может выражать уступительность. Так, один и тот же глагол в отрицательной и утвердительной форме передает семантику «возражения под видом согласия», повторение условной формы глагола в положительном и отрицательном/повелительном значениях выражает уступительную семантику. Уступительное значение выражается и с помощью союза *хэлбуки* ‘однако’, который носит сугубо книжную стилистическую окраску.

Сочетание противительного союза и уступительной формы выражает резкое противопоставление явлений. Противительные союзы в составе уступительных конструкций служат для подчеркивания семантики несоответствия, противоположности результата ожидаемому следствию. При этом необходимо отметить факультативность противительных коррелятов в подобных предложениях, так как они могут быть опущены без ущерба для смыслового содержания конструкций и не входят в состав структурно обязательных элементов предложения. Уступительные отношения отличаются от противительных тем, что при выражении уступительности противопоставляющиеся факты логически взаимосвязаны, тогда как при противительности противопоставление фактов имеет свободный характер.

Уступительную семантику могут передавать и бессоюзные сложносочиненные предложения: *Эт өрер – бүре йөрер* (Пословица). ‘Собака лает – волк гуляет’.

В исследовании установлено, что в уступительных конструкциях присутствует дополнительная причинная сема, которая логически отменила бы вытекающее следствие, тем не менее, этого не произошло. Таким образом, следствие выступает полной противоположностью ожидаемого. Проведенный анализ позволил выявить, что уступительные отношения строятся на противопоставлении двух ситуаций, формируются на базе условных, причинно-следственных, противительных значений. Семантическая связь между ожидаемым следствием и фактическим результатом базируется на противопоставлении и порождает уступительность. В системе обстоятельственных отношений мотивировочного характера уступительные отношения являются наиболее сложными и логически многоступенчатыми, так как при передаче уступительности эксплицитно выражаются лишь исходное и результативное звенья, а промежуточное звено остается в поле имплицитного.

В четвертой главе «**Обстоятельственные отношения ситуативного плана в татарском языке**» проведено исследование пространственных и темпоральных отношений, выявлены их семантические и структурные осо-

бенности. В параграфе 4.1. «Семантико-репрезентативные особенности временных отношений» проанализированы семантика и структура временных отношений в татарском языке.

Для репрезентации темпоральности широко используются послелого и послеложные слова в сочетании со словами, означающими промежуток времени. Анализ структурно-содержательной организации таких конструкций позволил определить выражаемую семантику каждого отдельного послелога. Установлено, что послелог *саен* 'каждый раз' служит для выражения протяженности и регулярного повтора действия. Послелог *буе* 'на протяжении' выражает продолжительность действия во времени. Следует отметить, что в казахском языке словосочетание с *бойы* может выражать как продолжительность, так и моментальность действия (*келген бойы хабарлады* – 'сообщил сразу по приезду'). Послелого *кадәр*, *чаклы*, *тикле* 'до' могут употребляться для выражения предела действия во времени. В турецком языке, в отличие от татарского и других тюркских языков, послелог *kadar* используется и в значении 'пока'.

Послелого *каршы* 'к', 'на', 'в', *таба* 'к' имеют значение приближения действия во времени или приближение времени. Слово *борын* 'до' в значении послелога указывает на временной отрезок, который предшествует другим действиям. Послелог *элек* 'тому назад', 'за', наречие *элгәре* 'тому назад', 'за', слово *әүәл* 'за' в значении послеложного слова указывают на предшествующий временной отрезок. *Соң*, *артыннан* 'после', 'за' служат для выражения следования одного действия за другим. В казахском, киргизском, узбекском, уйгурском языках в этом же значении также используется послелог *кейін* (*кейин*). В якутском языке значение 'после' передается послелогом *кэһинэ*. Послелог *бирле* 'с' либо указывает на начальный момент действия, либо обозначает совершение действия на протяжении определенного отрезка времени. Слова *алдында*, *алдыннан*, *алда* 'перед', 'раньше', 'до' выражают предшествование одного действия другому. *Уртасында* 'в середине', *эчендә* 'в течение' указывают на временной отрезок, в пределах которого совершается действие. Слово *арада* 'в', 'за', 'в течение' в значении послелога маркирует семантику ограничительной одновременности, указывает на отрезок времени, в пределах которого совершается действие. Послелог *белән* 'с' выражает наступление действия главного предложения/главного члена сразу же после завершения либо с наступлением действия придаточного предложения/второстепенного члена. Частица *уж/үк* 'же' в таких конструкциях усиливает значение моментальности второго действия, выражает семантику быстрого следования. Послелог *чакта* 'когда', 'при', *заманда* 'когда', 'при' в значении послелога обозначают время совершения действия. Следует отметить, что в этом случае выражается частичная одновременность явлений. В этом же значении используются слова *барында*, *мәлдә* 'к тому времени', 'когда'.

Временные отношения часто выражаются наречиями времени, числительными, сочетаниями количественных и порядковых числительных

с существительными. Сочетание причастия будущего времени и отрицательной формы того же причастия выражает действие, которое прерывается другим действием. Эта же форма обозначает время начала действия основного сказуемого и высокую степень быстроты следования действий. Деепричастия на *-ып*, *-гач*, как правило, выражают выполнение действий друг за другом, при этом передается неопределенное следование, так как временной интервал между событиями не дифференцируется. Деепричастие обозначает предшествующее действие, временной интервал между событиями определяется либо по контексту, либо по наличию лексико-грамматических конкретизаторов. Формы *-ганда*, *-ган арада* 'пока', 'в то время как' обозначают совпадение одного действия в своих границах с другим действием. Время протекания действия главного компонента ограничивается отрезком времени, необходимым для совершения действия зависимого компонента.

Предложения, содержащие темпоральные отношения, могут стоять в самом начале текста. В этом случае они задают временной фон для всего последующего изложения. Данный способ повествования является типичным для сказок, так как абсолютное их большинство начинается именно с фиксации места и времени сказочных событий.

В параграфе 4.2. «**Каузально-темпоральный синкретизм**» доказано, что поскольку причина является порождающим фактором, по времени она предшествует следствию. Однако, как показал анализ собранного нами языкового материала, часто сказуемые в обоих компонентах сложного предложения имеют одинаковую временную форму. Это связано с тем, что иногда действие причины продолжается и после наступления следствия. Несмотря на то, что сказуемые частей сложного предложения имеют одинаковые временные формы, в большинстве случаев причина предшествует следствию (*Көз житте, салкыннар башиланды*. 'Пришла осень, начались холода'). Когда результат возникает одновременно с началом действия причины, сказуемые компонентов сложного целого выражаются одинаковыми временными формами, однако семантика частей сложного предложения указывает на последовательность названных событий.

Доказано, что временная асимметрия является одной из особенностей причинно-следственного отношения. При этом следует помнить, что временные отношения являются внешней связью, а причинно-следственные – внутренней зависимостью компонентов. В ходе проведенного исследования было выявлено, что синкретизм каузальной и темпоральной семантики является наиболее широко распространенным типом совмещения среди обстоятельственных отношений. Темпоральность выполняет роль фона для осуществления каузальных отношений, которые напрямую зависят от последовательности событий.

В параграфе 4.3. «**Синкретичная кондиционально-темпоральная семантика**» представлены результаты изучения синкретизма временных и условных отношений. Свойство условной формы глагола выражать условно-временное значение является общетюркским, оно прослеживается

еще в памятниках древнетюркской письменности. Синкретичное по своей природе условно-временное значение структурно закрепилось в паремииологической системе. В паремиях и обобщенных высказываниях наблюдается абстрактно-временной характер взаимоотношений компонентов кондидиональной конструкции. Например: *Азрак сөйләсәң, күбрәк ишетерсең*. ‘Меньше будешь говорить – больше услышишь’. Подобные примеры встречаются и в других тюркских языках: кирг. *Жылуу сөйлөсө, жылан ийинден чыгат*. ‘Если ласково говорить, змея из норы вылезет’; тур. *Allah yardım ederse kuluna, her iş girer yoluna*. ‘Поможет бог, все наладится’. Как показал анализ, для паремий характерным является построение фразы в форме настоящего либо будущего времени. Между тем сама фраза носит вневременной характер, имеет вид общей закономерности, указывает на типичные явления. Временная семантика в подобных примерах связана с выражением значения постоянства. Крайне редкое использование в паремиях форм прошедшего времени можно объяснить тем, что прошедшее время, как правило, связано с определенными событиями, конкретной действительностью. Поэтому формы прошедшего времени обладают индивидуализирующим свойством, тогда как для паремий характерно обобщение. В связи с этим паремии с формой прошедшего времени встречаются не часто (*Чултан туды – таң атты*. ‘Венера возшла – рассвело’).

Установлено, что в условно-временных отношениях, в отличие от условных, выражается не предполагаемая связь явлений, а в большинстве случаев указывается реально существующая или существовавшая связь. В кондидиональных конструкциях условие и следствие выступают как возможные/невозможные. Главное отличие условно-временных отношений от временных заключается в том, что они передают события не внешнего, случайного характера, а указывают на внутреннюю зависимость одного события от другого. Так как в условно-временных отношениях содержится определенное умозаключение, они представляются более сложными, чем временные.

В параграфе 4.4. «**Семантические виды пространственности**» установлено, что в пространственных конструкциях носителями значений не всегда выступают слова как лексемы, а синтаксические формы слов образуют систему пространственных отношений, поэтому пространственность является лексико-синтаксической категорией. В татарском языке пространственную семантику содержат слова в форме направительного, исходного, местно-временного падежей, конструкции с послеложными словами, которые указывают на местонахождение или пункты перемещения предметов и явлений, наречия, местоимения.

В зависимости от обозначения перемещения или местонахождения пространственные отношения можно разделить на динамические и статические. По семантике выделяются следующие виды пространственности: нахождение предмета в определенном пространстве, место совершения действия; общее направление движения; исходная (начальная) точка движения,

действия; конечный пункт движения. Нахождение предмета в определенном пространстве, место совершения действия выражается с помощью имени существительного в форме место-временного падежа, существительного с послеложными словами в пространственных падежах, местоимений, наречий. При этом следует отметить, что имена существительные в таких сочетаниях должны иметь пространственную семантику. Также в подобных конструкциях значение места обозначается относительно расположения другого предмета (*өй артында* ‘за домом’), указывается на местонахождение в среднем отделе описанного пространства (*урам уртасында* ‘посреди улицы’) или пограничную близость с названным предметом (*өй янында* ‘возле дома’) и т. д. Общее направление движения выражается: наречиями места, именами существительными в форме направительного падежа, именами существительными с послелогом. Конечный пункт движения выражается существительными в направительном падеже. Исходная (начальная) точка движения, действия выражается местоимениями, наречиями, существительными в исходном падеже, существительными с послелогом.

Значительную часть лексики с пространственной семантикой в татарском языке занимают наречия. Наречия места, как правило, выражают языковое пространство в его основных измерениях. Пространственную семантику выражают также предметизированные процессы, которые в предложении, в основном, выполняют функцию обстоятельства места, реже – функцию дополнения (*Туйга барсаң, туеп бар* (Пословица). ‘На свадьбу иди сытым’).

Исследование показало, что лексико-синтаксическая категория пространства в татарском языке имеет определенную систему значений. Языковая интерпретация часто не совпадает с реальным пространством, поэтому определяется лингвистическое пространство, вбирающее в себя отраженное в языковом сознании пространство.

В Заключении сформулированы основные результаты проведенного исследования, изложены концептуальные положения, обозначены приоритетные направления последующих научных изысканий в данной области.

Особое внимание в работе было акцентировано на формально-семантическом аспекте исследования в сочетании с функциональным подходом, что позволило выявить как внешнюю, структурную организацию, так и внутреннюю, более глубинную семантическую составляющую синтаксических категорий. Результаты данной диссертационной работы могут быть положены в основу нового этапа в исследовании синтаксического яруса татарского языка – семантического синтаксиса.

Комплексное изучение функционально-структурных особенностей смысловых связей показало, что в татарском языке часто наблюдается синкретизм различных семантико-синтаксических отношений, связанный с логической зависимостью, которая существует между ними. Проведенное исследование в очередной раз доказывает, что отношения категорий мысли и категорий языка не симметричны.

Перспектива дальнейшей разработки исследования смысловых отношений между синтаксическими единицами постулируется возможностью создания сравнительной семантической грамматики тюркских языков, также сравнительно-сопоставительного изучения татарского и, например, русского языков именно в плане специфики репрезентации семантико-синтаксических отношений в разноструктурных языках.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

Монографии

1. Валиева, Л. Г. Каузальность в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева. – Казань : ИЯЛИ, 2015. – 174 с.
2. Хабибуллина, Л. Г. Смысловые отношения в татарском языке : сравнительно-типологический аспект / Л. Г. Хабибуллина. – Казань : ИЯЛИ, 2017. – 256 с.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

3. Валиева, Л. Г. Семантика и репрезентация каузальности в татарском языке / Л. Г. Валиева // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2011. – № 4 (26). – С. 164–167.
4. Валиева, Л. Г. Кондициональные и уступительные отношения в тюркских языках / Л. Г. Валиева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 100–104.
5. Валиева, Л. Г. Обстоятельственные отношения ситуативного плана в тюркских языках / Л. Г. Валиева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2014. – Т. 11. – № 5. – С. 60–66.
6. Валиева, Л. Г. Репрезентация целевых и причинно-следственных отношений в тюркских языках / Л. Г. Валиева // Филология и человек. – 2015. – № 1. – С. 98–104.
7. Валиева, Л. Г. Темпоральность в тюркских языках / Л. Г. Валиева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 2. – С. 104–108.
8. Хабибуллина, Л. Г. Краткая история и теоретические основы исследования отношений обусловленности / Л. Г. Хабибуллина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2016. – № 2 (52). – С. 129–137.
9. Хабибуллина, Л. Г. Репрезентация атрибутивных отношений в тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 267–270.
10. Хабибуллина, Л. Г. Объектные отношения в тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 99–101.

11. Хабибуллина, Л. Г. Пространственные и временные отношения в тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 123–125.

12. Хабибуллина, Л. Г. Структурно-семантическая организация пояснительных отношений в тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Ученые записки Орловского государственного университета. Scientific notes of Orel State University. – 2017. – № 2 (75). – С. 177–179.

13. Хабибуллина, Л. Г. Обстоятельственные конструкции с синкретичной семантикой в тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. – Ч. 1. – СПб. : Наука, 2017. – С. 991–1007.

14. Хабибуллина, Л. Г. Смысловые отношения, выражаемые формой условного наклонения глагола, в тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Вестник Марийского государственного университета. – 2017. – Т. 11. – № 3 (27). – С. 136–142.

15. Хабибуллина, Л. Г. Смысловые отношения между синтаксическими единицами, выражаемые формой *-ганда*, в татарском и других тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 5. – С. 249–251.

16. Хабибуллина, Л. Г. Выражение обстоятельственных отношений бессоюзными сложносочиненными предложениями в тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина // Ученые записки Орловского государственного университета. Scientific notes of Orel State University. – 2017. – № 4 (77). – С. 152–155.

17. Хабибуллина, Л. Г. Репрезентация кондициональных отношений в фольклорных произведениях тюркских языков / Л. Г. Хабибуллина // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 160–166.

18. Хабибуллина, Л. Г. Модально-вводные слова в причинно-следственных предложениях татарского языка / Л. Г. Хабибуллина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 128–130.

19. Хабибуллина, Л. Г. Сравнительный анализ синкретизма семантико-синтаксических отношений в тюркских языках [Электронный ресурс] / Д. А. Салимова, Л. Г. Хабибуллина // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 6 (18). – Режим доступа : <https://www.novsu.ru/file/1484307>.

Статьи в других научных изданиях

20. Валиева, Л. Г. Краткая история изучения каузальных отношений / Л. Г. Валиева // Вестник Елабужского государственного педагогического университета : материалы III Междунар. тюрколог. конф. (Елабуга, 5–6 октября 2010 г.). – Елабуга, 2010. – № 3, октябрь. – С. 6–8.

21. Вәлиева, Л. Г. Сәбәп-нәтижә мөнәсәбәтләре / Л. Г. Вәлиева // Мәгариф. – 2010. – № 8. – Б. 29–30.

22. Валиева, Л. Г. Средства выражения причинно-следственных отношений в простом предложении в татарском языке / Л. Г. Валиева // Вестник НГПИ. – Вып. 18. – Набережные Челны : НГПИ, 2010. – С. 85–86.

23. Валиева, Л. Г. Связь причинно-следственных отношений с категорией времени в татарском языке / Л. Г. Валиева // Наука и школа. – 2011. – № 1. – С. 58–59.

24. Валиева, Л. Г. Средства выражения причинно-следственных отношений в сложносочиненном предложении татарского языка / Л. Г. Валиева // Актуальные проблемы татарского языка, литературы и методики их преподавания : материалы республиканской науч.-метод. конф. (Актаныш, 4 февраля 2011 г.). – Казань : РИЦ, 2011. – С. 143–146.

25. Валиева, Л. Г. Ренат Харис ижатында сәбәп-нәтижә мөнәсәбәтләренә бирелеш / Л. Г. Валиева // Ренат Харис и современная татарская поэзия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 21 апреля 2011 г.). – Казань, 2011. – С. 127–133.

26. Валиева, Л. Г. Понятие функционально-семантического поля каузальности в татарском языке / Л. Г. Валиева // Наука XXI века. Проблемы филологии и искусствоведения : материалы науч. конф. молодых ученых и аспирантов (Казань, 18 мая 2011 г.). – Казань, 2011. – С. 30–33.

27. Валиева, Л. Г. К вопросу о функционально-семантическом поле каузальности / Л. Г. Валиева // Перспективы развития современной филологии : материалы I Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 30–31 августа 2011 г.). – Петрозаводск : ПетроПресс, 2011. – С. 34–37.

28. Валиева, Л. Г. Выражение причинно-следственных отношений между предложениями в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева // Актуальные вопросы татарского языкознания. – Вып. 8. – Казань, 2012. – С. 45–48.

29. Валиева, Л. Г. Зоны пересечения функционально-семантического поля каузальности с функционально-семантическим полем таксиса в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева // Давид Кугульгинов – поэт, философ, гражданин : материалы Всерос. науч. конф. (Элиста, 10–14 апреля 2012 г.). – Элиста, 2012. – С. 166–168.

30. Валиева, Л. Г. Семантика и репрезентация каузальности в языке художественных произведений Г. Ибрагимова / Л. Г. Валиева // Наследие Г. Ибрагимова и тюркский мир : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 17 апреля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 248–250.

31. Валиева, Л. Г. Семантические оттенки каузальности, выраженные модальными средствами / Л. Г. Валиева // Академик Э. Р. Тенишев и тюркский мир : материалы Междунар. тюрколог. симпозиума «Тенишевские чтения» (Казань, 24 апреля 2012 г.). – Казань : КФУ, 2012. – С. 278–281.

32. Валиева, Л. Г. Семантика и репрезентация каузальности при помощи падежных форм между членами предложения в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева // Наука XXI века : проблемы филологии и искусствоведения. – Вып. 6 : материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых и аспирантов (Казань, 18 мая 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 49–51.

33. Валиева, Л. Г. Пересечение функционально-семантического поля каузальности с функционально-семантическим полем таксиса в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева // Ашмаринские чтения. Вып. 8 : материалы Международ. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 октября 2012 г.). – Чебоксары : ЧГУ, 2012. – С. 133–137.

34. Валиева, Л. Г. Семантические разновидности каузальности в татарском языке / Л. Г. Валиева // Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии : теория и опыт изучения : материалы Международ. науч.-практ. конф. (Елабуга, 14 декабря 2012 г.). – Елабуга : Изд-во филиала КФУ в г. Елабуга, 2012. – С. 57–58.

35. Валиева, Л. Г. Репрезентация каузальности при помощи деепричастных форм в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева // Научный Татарстан. – Гуманитарные науки. – № 1. – 2013. – С. 121–123.

36. Валиева, Л. Г. Төрки телләрдә сәбәп-нәтижә, максат һәм шарт мәгънәсенәң үзара мөнәсәбәте / Л. Г. Валиева // Фән һәм тел. – № 1–2 (50–51). – 2013. – Б. 41–44.

37. Валиева, Л. Г. Семантика и репрезентация каузальности между членами предложения при помощи послелогов и послеложных слов / Л. Г. Валиева // Казан университетында – ырту гасыр... : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 19–21 октября 2012 г.). – Казань : Ихлас, 2013. – С. 71–73.

38. Валиева, Л. Г. Пересечение функционально-семантического поля каузальности с функционально-семантическим полем цели в татарском литературном языке / Л. Г. Валиева // Инсани фәннәр : эзләнү һәм табышлар : Йомгаклау конференциясе материаллары–2012. – Казан : ИЯЛИ, 2013. – С. 39–43.

39. Валиева, Л. Г. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами бессоюзных сложносочиненных предложений в татарском языке в сравнении с другими тюркскими языками / Л. Г. Валиева // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов). – Вып. 2 : материалы науч.-практ. конф. (Казань, 27 февраля 2013 г.). – Казань : Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2013. – С. 179–182.

40. Валиева, Л. Г. Кондициональность в татарском языке в сравнении с другими тюркскими языками / Л. Г. Валиева // Научный Татарстан. – Гуманитарные науки. – № 3. – 2013. – С. 106–109.

41. Валиева, Л. Г. Семантика и репрезентация каузальности между членами предложения в татарском языке в сравнении с другими тюркскими языками / Л. Г. Валиева // Сулеймановские чтения : материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 28 мая 2013 г.). – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2013. – С. 54–57.

42. Валиева, Л. Г. Взаимосвязь каузальных и кондициональных отношений в татарском языке / Л. Г. Валиева // Научный Татарстан. – Гуманитарные науки. – № 4. – 2013. – С. 106–108.

43. Валиева, Л. Г. Шарт мөнәсәбәтенәң сәбәп-нәтижә һәм вакыт мәгънәсе белән бәйләнеше / Л. Г. Валиева // Фәнни Татарстан. – 2014. – № 1. – Б. 43–47.

44. Veliyeva, L. Türk yazı dillerinde söz dizimlik birimler arasındaki anlam ilişkileri / L. Veliyeva // *Türük. Dil, Edebiyat ve Halkbilimi Araştırmaları Dergisi*. – 2014 Yıl : 2, Sayı : 3. – Sayfa : 46–53.

45. Валиева, Л. Г. Условно-временная семантика в тюркских языках / Л. Г. Валиева // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов). – Вып. 3 : материалы науч.-практ. конф. (Казань, 7 марта 2014 г.). – Казань : Фолиант, 2014. – С. 246–250.

46. Вәлиева, Л. Г. Татар телендә кире шарт мөнәсәбәтен белдерүче конструкцияләреннән мәгънә төсмерләре / Л. Г. Вәлиева // *Наука XXI века : проблемы филологии и искусствоведения*. – Вып. 8 : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. молодых ученых и аспирантов (Казань, 16 мая 2014 г.). – Казань, 2014. – С. 5–7.

47. Валиева, Л. Г. Семантическая дифференциация послелогов, выражающих временные отношения, в тюркских языках / Л. Г. Валиева // XVII Сулеймановские чтения : Всерос. науч.-практ. конф. «Культурное и этническое многообразие тюркского мира» (Тюмень, 30–31 мая 2014 г.) : Труды и материалы. – Тюмень : Печатник, 2014. – С. 138–140.

48. Валиева, Л. Г. Структурно-семантические особенности условных конструкций в тюркских языках / Л. Г. Валиева // Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения : материалы Международ. науч.-практ. конф. (Казань, 16–19 июля 2014 г.). – Казань : Ихлас, 2014. – С. 458–465.

49. Валиева, Л. Г. Каузально-темпоральные отношения в тюркских языках / Л. Г. Валиева // *Milli medeniyet*. – № 25. – Afyonkarahisar–Kazan. – 2014. – S. 50–52.

50. Вәлиева, Л. Г. Төрки телләреннән синтаксик берәмлекләре арасында пространство мөнәсәбәте / Л. Г. Вәлиева // *Фәнни Татарстан*. – 2015. – № 1. – Б. 20–23.

51. Валиева, Л. Г. Обстоятельственная семантика в тюркских языках / Л. Г. Валиева // *Российская тюркология*. – 2015. – № 1 (12). – С. 3–8.

52. Валиева, Л. Г. Изучение обстоятельственной семантики в грамматике К. Насыри «Энмюзядж» / Л. Г. Валиева // Творческое наследие просветителей тюркского мира : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Астана–Казань, 26–27 февраля 2015 г.). – Казань : Отечество, 2015. – С. 63–65.

53. Валиева, Л. Г. К изучению диалектных текстов по традиционной культуре (родильные обряды) / Ф. С. Баязитова, Л. Г. Валиева // *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. – 2015. – № 2. – С. 119–121.

54. Вәлиева, Л. Г. Төрки телләрдә ситуатив һәм мотивлы хәл мөнәсәбәтләре / Л. Г. Вәлиева // Вопросы кавказского языкознания : Вып. 12 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и развития языков народов РФ» (Махачкала, 21 апреля 2015 г.). – Махачкала : Дагестанский государственный университет, 2015. – С. 31–33.

55. Валиева, Л. Г. Семантическая дифференциация уступительных конструкций в тюркских языках / Л. Г. Валиева // *Филологический аспект* :

материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 25 мая 2015 г.). – Н. Новгород : НОО «Профессиональная наука», 2015. – С. 67–70.

56. Вәлиева, Л. Г. Роберт Миннуллин әсәрләре телендә сәбәп-нәтижә мөнәсәбәтенен бирелеше / Л. Г. Вәлиева // На родной стороне : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Преемственность традиций в литературах родственных народов Поволжья и Приуралья» (Уфа, 3 октября 2013 г.). – Уфа : Изд-во БГПУ, 2015. – С. 31–34.

57. Хәбибуллина, Л. Г. Әдәби тәржемә мәсьәләсе (Анна Ахматованың «Сайланма әсәрләр»е мисалында) / Л. Г. Хәбибуллина // Фәнни Татарстан. – 2015. – № 4. – Б. 49–53.

58. Валиева, Л. Г. О классификации обстоятельственной семантики между синтаксическими единицами / Л. Г. Валиева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2015. – № 59. – С. 64–66.

59. Хәбибуллина, Л. Г. XIX гасыр татар грамматикаларында хәл мөнәсәбәтләрен өйрәнү / Л. Г. Хәбибуллина // Традиционная культура народов Поволжья : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 9–11 февраля 2016 г.) : в 2 ч. Ч. 2 (М–Я). – Казань : Ихлас, 2016. – С. 340–343.

60. Хабибуллина, Л. Г. Народные традиции сквозь призму языка / Ф. С. Баязитова, Ф. И. Салимов, Л. Г. Хабибуллина // TEL–2016 : материалы XIV Междунар. конф. по компьютерной и когнитивной лингвистике «Семантические модели и технологии» (Казань, 21–24 апреля 2016 г.). Сер. «Интеллект. Язык. Компьютер». – Казань : К(П)ФУ, 2016. – С. 293–297.

61. Хәбибуллина, Л. Г. Габдулла Тукай әсәрләре телендә ситуатив һәм мотивлы хәл мөнәсәбәтләре / Л. Г. Хәбибуллина // Габдулла Тукай и тюркский мир : материалы Междунар. конф. (Казань, 25 апреля 2016 г.). – Казань : ИЯЛИ, 2016. – С. 432–434.

62. Хәбибуллина, Л. Г. Төрки телләрдә атрибутив мөнәсәбәтләр / Л. Г. Хәбибуллина // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире : материалы I Междунар. науч. конф. (Казань, 12–15 апреля 2017 г.). – Казань : Изд-во «Ак Бүре», 2017. – С. 489–492.

63. Хәбибуллина, Л. Г. Галимжан Ибраһимов әсәрләре телендә аныклаулы мөнәсәбәт бирелеше / Л. Г. Хәбибуллина // Фәнни Татарстан. – 2017. – № 1. – Б. 96–98.

64. Хабибуллина, Л. Г. Смысловой синкретизм конструкций, выражающих обстоятельственные отношения, в татарском и других тюркских языках / Л. Г. Хабибуллина, Д. А. Салимова // Tatarica. – 2019. – № 13. – С. 18–26.

65. Хәбибуллина, Л. Г. Габдулла Тукай әсәрләре телендә аныклаулы мөнәсәбәт бирелеше / Л. Г. Хәбибуллина // Габдулла Тукай в культурном пространстве XX–XXI вв. : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 135-летию со дня рождения классика татарской литературы Г. Тукая (Казань, 23 апреля 2021 г.). – Казань : ИЯЛИ, 2021. – С. 351–354.

66. Хәбибуллина, Л. Г. Төрки телләрдә шарт мөнәсәбәтенен бирелеше (халык авыз ижаты әсәрләре материалында) / Л. Г. Хәбибуллина // Фәнни Татарстан. – 2021. – № 2. – Б. 22–26.

Хабибуллина Лениза Газинуровна

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
В СВЕТЕ ТЮРКСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук

Подписано в печать 13.09.2021

Формат 60×84 1/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл. п.л. 2,3. Тираж 100 экз. Заказ

